

Тибор Ноэ Киш

Неопределенный пейзаж (отрывок)

Люблю смотреть на реку. Смотрю, как она течет, уносит с собой прошлое, поднимая на поверхность воспоминания. Миссионера пронзили стрелами, выпотрошили, да подали на блюде индейцы Амазонии. Когда-то в основе религии лежала бесчеловечность, поэтому древние ритуалы включали столько ужасающих элементов: сжигание заживо, каннибализм, свежевание. Иногда я захожу к Имре в библиотеку, и мы читаем друг другу отрывки из любимых книг. Охотники за головами, прикончив своих врагов, варят в котле отрезанные головы, пока те не скукожатся до размеров кулака. Глаза и рот предварительно зашивают, чтобы не высвободилась душа противника. Голова у меня раскалывается. Есть что-то успокаивающее в разговоре с самим с собой, не приходится ожидать возражений и споров. Имре читает с поднятым вверх пальцем. Мне нравится этот сарказм, сочувственное молчание, хотя я уже давно не говорил ему ничего про Жофи. Не могу никому о ней рассказать, хоть тресни. Розовая таблетка поможет, глотаю, запиваю водой. Хотя не стоило бы, в этом районе вода из-под крана сущий яд, содержит уйму свинца, видел об этом информацию на карте в Фейсбуке. Я подписан на несколько страниц с картами, например Terrible Maps. В области Чонград столько же солнечных часов, как и в Неаполе, а в Боготе живет столько же людей, сколько во всей Венгрии, а еще континенты можно обвести линией так, что получился кошка, которая играет Австралией как клубком. Вот такие вещи можно оттуда узнать. Раньше я собирал карты, а потом отнес всё в библиотеку, две коробки из-под бананов в одном из шкафов набиты моими вещами, дипломами, призами и памятливыми медалями: учитель года в школе, в районе, на континенте, на собачьей площадке, всякие душещипательные награды с учебных конкурсов. С некоторыми учениками я ещё поддерживаю связь: один верстает рекламные

баннеры в интернете, второй открыл приют для собак, третий пишет стихи. Нынешние же даже читать не умеют, куда там стихи писать; меж тем Имре взялся за другую книгу, Генрих Бёлль, например, щелкнул он пальцами, должен тебе понравиться, а мне нравится, ответил я. С Имре мы знакомы еще по университету, знаем друг о друге больше, чем стоило бы, но не всё. В восемьдесят втором мы сорвали со школьной стены герб с красной звездой, и с тех пор никому об этом не рассказывали. В семнадцать лет человек по-настоящему живёт, а сейчас я только потираю себе виски, таблетки ни черта не помогают, голова как чугунная. Тсантса, так называются высушенные человеческие головы. Теперь ты знаешь, с чем ассоциируется сжатое резюме, Имре захлопнул книгу. Резюмирую, что мне предстоит этим вечером: иду вдоль железнодорожных путей электрички, отсчитываю пятьдесят ларьков, мастерских электриков, автомагазинов и соляриев. В больничном буфете покупаю горячий бутерброд, так как вчера был гамбургер. Ем у алюминиевой стойки, которая почернела от многолетних слоев грязи. С каждым движением челюсти в моей голове стреляет, как если бы внутри была квадратная коробка, углы которой впивались бы изнутри в череп. В коридоре стоят старые аппараты, вибрирующие красным цветом светодиодных ламп. Второй этаж, палата двести семь, картинки на стенах, медвежья лапка, разгневанный краб, кольцо обруча, маскарадный костюм телефонной будки. Голова трещит от многочисленных звуков, гула приборов, стука лифта, скрипа кроватей, стульев и столов со стёртыми резиновыми накладками. Слышу, как от сквозняка захлопали приколотые к стене фотографии. Музыка Дорки тихо играет. Музыка Дорки звучит непрерывно, ведь я все скопировал с флешки. Может, она очнётся, если я произнесу ее имя вслух. Мы с Анной тоже кое-что записали, назвали файл Дорке.mp3, авось наши голоса, а может мелодии помогут. Тихо пульсируют ударные, медсестры передвигаются по палате легкими шажками, никто их не слышит, но они всюду есть. Они долго хихикают за стойкой регистратуры. Появляется дежурный врач, размешивает свой кофе, медсестры разбегаются.

Доктор рассказывает пару шуток про блондинку, даже хорошо, что Дорка спит, что не видит и не слышит, только сопит и посвистывает, дышит, грудь поднимается, опускается, поднимается. Мне очень нужно обезболивающее. К лежащей на соседней кровати старушке опять никто не пришел, она становится все меньше, тает, ссыхается, как противники воинов Хиваро. После того, как головы полностью высохнут, индейцы нанизывают их на шнурок и носят, повесив на шею. Волосы тоже сохраняются, и длинные черные индейские пряди свисают вниз на грудь аборигенов. Может они их щекочут, как я щекотал Дорку. Столько раз я думал о том, что вот просуну руку под одеяло, найду ее ступню, и начну щекотать, а она от этого проснется, как раньше. Черт подери. Воздух остыл, мышцы на лице Имре подергиваются, последняя осенняя муха жужжит между оконными стеклами. Открываю окно, но муха продолжает кружить, не знаю, что предпринять, не знаю, как помочь, никто ничего не знает, только смотрят на меня невинными глазами, шепчутся за спиной, понижают голос, консилиум не созывают, из отделения реабилитации не звонят, и я схожу с ума от постоянного пиканья, жужжания, не могу найти этот чертов адрес, адрес ее матери, потому что у ее матери и нету адреса, она живет в какой-то комунне на Гавайях, где постоянно двадцать пять градусов, и едят кускус с булгуром, и бананы, и голосят о просветлении и мире, и откуда она иногда присылает письмо дочери, которая в это время лежит между маразматичными старухами в больнице, со свистящими легкими, с пневмонией, без сознания, и неизвестно, поднимется ли она когда-нибудь с этой гребаной постели.